

**ГРИГОРИЙ АДОЛЬФОВИЧ ЛАНДАУ
КАК КРИТИК ЕВРАЗИЙСТВА
(Об одной дискуссии в эмигрантской газете)**

Д.В. ГУРИН

В 1922 г. на страницах известной кадетской газеты «Руль» (Берлин) состоялась дискуссия между Г.А. Ландау и евразийцами П.Н. Савицким и Г.В. Флоровским. Эта полемика может рассматриваться и как политическая, и как философская, и даже как религиозная. В ней выражается дух того времени, эпоха революции и масштабные перемены в России. Но сначала несколько слов об участниках спора.

С одной стороны – Григорий Адольфович Ландау (1877 – 1941) – один из представителей Русского зарубежья, чье философское наследие только начинает нам приоткрываться. Г.А. Ландау и при жизни был известен больше как публицист, чем как философ, хотя часть его современников не упускала из виду и эту сферу его творчества. В заметке по случаю 60-летия Г.А. Ландау он назван «талантливым журналистом», «большим мыслителем» и «русским философом-социологом», малоизвестным российскому обществу. «Его философско-социологические работы, исключительно ценные по духовной личности мыслителя – “Критика достоверности”, “Систематическая философия”, “Теория ценностей”, “Теория общества и права” – по тяжким обстоятельствам времен революции остались незаконченными»¹. Действительно, жизнь и творчество этого мыслителя во многом стали отражением событий, происходивших в жизни России и Европы.

Одним из самых запоминающихся творений Г.А. Ландау можно назвать сборник афоризмов «Эпиграфы»². Выход в свет этой работы был отмечен в журнале «Возрождение», где И.С. Лукаш опубликовал свою заметку. В ней он отмечает, что «имя Г.А. Ландау, если не всегда доходит до “широкой публики”, то всегда находится в фокусе русской мысли за рубежом. Г.А. Ландау – как бы одна из “неприметных” и вместе с тем ценнейших фигур зарубежной элиты»³. Наиболее основательно исследована его философская концепция развития культуры⁴.

С другой стороны – «евразийцы» Петр Николаевич Савицкий (1895 – 1968) и Георгий Васильевич Флоровский (1893 – 1979). Феномен евразийства стал «олицетворением поколения, сформированного Первой мировой войной, революционными событиями 1917 г. и гражданской войной»⁵ и отразился в творчестве основных его представителей. Зарождение этого течения связывают с выходом в свет «Исхода к Востоку» – сборника статей П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.С. Трубецкого и Г.В. Флоровского. «И вот четверо молодых

изгнанников в глухом уголке Европы решительно посягают на эту монополию (большевиком. — Д. Г.), развертывая новую перспективу, которая ничуть не является возвратом к прошлому, но в то же время хранит в ряду высших ценностей Православие и Россию, утверждает за ними жизнь и будущее»⁶. В дальнейшем каждый из них станет видным представителем в науке, но запомнятся все они главным образом как основатели оригинального течения русской эмиграции.

При этом важно, что для современных гуманитариев особую актуальность приобретает политическая концепция евразийства, особенно в контексте современных глобальных геополитических процессов. Между тем в самой своей основе евразийство как способ осмысления русскими эмигрантами своей исторической судьбы — феномен интеллектуальный и философский. Это убедительно показывают исследования, анализирующие его исторические и философские основания, идеи его главных представителей, их влияние на современников.

Одним из важнейших для исследователей евразийства является вопрос о его связи со славянофилами. С.С. Хоружий называет тесную связь этих течений «самоочевидной», поскольку «славянофильская тема о самобытных основах российской истории и культуры, по сути, центральная тема евразийства»⁷. При этом он отмечает и существенные отличия, в первую очередь отбрасывание евразийцами идеи славянского братства и ориентирование культуры на Азию. К этой же теме обращается Л.Е. Шапошников, показывая, что «уже в славянофильстве в самом общем плане содержится идея о России как особой цивилизации, которая получила развитие и обоснование в творчестве евразийцев»⁸. Свои рассуждения автор строит на сопоставлении идей А.С. Хомякова и евразийцев.

Не меньший интерес сегодня вызывают евразийские концепции историософии и философия культуры. «Евразийство, — как замечает Ю.Б. Мелих, — не лишено гипотетичности и изобретательности в создании своего учения на основе культурологии, что, с одной стороны, продлевает ему жизнь как гипотезе и мифу, а с другой — уводит от реальности»⁹. При этом взгляды евразийцев на историю весьма сильно различались (на это обращает внимание С.С. Хоружий). Для Карсавина в основании истории «находится социально-психическое бытие, т.е. его самосознание, а потому и история — это развитие социальных групп-личностей»¹⁰. П.Н. Савицкий же полагал, что мир — это организованная система, спланирующим элементом которой является «идея», «идея-правительница». Целью, в данном случае, была попытка «преподнести обществу такую историческую идею, которая в “размахе и упоре” превзошла бы коммунистическую идею “диктатуры пролетариата” и соответственно заменила бы ее»¹¹. История для евразийцев

была процессом смены таких организационных идей и должна была прийти к организационной идее евразийства.

Ни одна научная работа, касающаяся философии русского зарубежья, не обходит стороной евразийство. А проблемы, поднимаемые исследователями этого движения основываются на рассмотрении идей его конкретных представителей. «Их философия представляет собой фрагментарную, непоследовательную в своем изложении систему, но вместе с этим очень органичную и своеобразную»¹². Можно с уверенностью сказать, что евразийское движение существенно повлияло на социально-философскую мысль интеллигенции русского зарубежья, но чтобы окончательно понять влияние на современность, понять важность их идей в сегодняшних реалиях, необходимо рассмотрение идей евразийства в мельчайших подробностях. А это возможно только при обращении ко всем сторонам деятельности его главных выразителей, к материалам, которые на первый взгляд носят второстепенный характер, в том числе и к полемике на страницах газет.

Замечу, что в философской дискуссии бывает трудно определить, что принадлежит собственно философии, а что является выражением эпохи. Особенно трудно бывает это сделать, когда полемика ведется в переломный период, а тем более направлена на него. И все же подлинное понимание истории появляется именно в такие времена, в моменты соприкосновения, сплетения философии и насущных проблем эпохи. Об этом и свидетельствует рассматриваемая дискуссия.

Поводом для спора между Г.А. Ландау и евразийцами послужили идеи, изложенные П.Н. Савицким в статье «К обоснованию евразийства»¹³. Евразийство — общественно-политическое движение, задача которого, по мысли П.Н. Савицкого, заключается в поиске причин страдания российского народа и в попытке наметить перспективы дальнейшей судьбы страны. Автор отмечает тысячелетнюю замкнутость, «китаизм»¹⁴ западно-европейской культуры и беспрецедентное российское культурное влияние на нее, на рубеже XIX — XX вв., кульминацией которого стала Великая Русская Революция и превращение Москвы в «коммунистическую Мекку». Ему кажется, что народ пожертвовал собой ради этого, но осталась надежда на спасение, потому что русский коммунизм по сути своей имеет религиозную основу. Это религия, но «религия зла», и это лучше, чем ее отсутствие, так как она может переродиться в «религию добра»¹⁵.

Далее П.Н. Савицкий отмечает, что потерять это влияние, значит уйти в историческое небытие, не став достойной частью западной цивилизации. Россия за тысячелетнюю историю стала выразительницей духа мира, впитав в себя влияния сначала восточных культур, затем западных — этим обусловлено ее своеобразие. Россия слишком большая для Европы¹⁶, полагает Савицкий, поэтому не может быть только европейской. Сохраняя европейский потенциал, она должна

стать покровительницей азиатских народов, и большевики здесь на правильном пути. Способность сохранять в себе даже затухающие восточные культуры может затем послужить импульсом к их возрождению. «Культуру будущего поведет за собой тот, в ком сильней религиозное начало; и мы видим явственные признаки, что в настоящий момент религиозное напряжение сильнее и действеннее на Востоке»¹⁷. П.Н. Савицкий предполагает, что именно России отведена эта роль. В ней — единство Запада и Востока, знания и веры, а «страшный опыт», проведенный в ней, показал силу религии через ее отрицание¹⁸.

Выход в свет этой статьи был замечен и буквально через три номера, в этой же газете, вышла критическая статья Г.А. Ландау «Евразийское самоутешение»¹⁹. Автор отметил, что проповедь культурного своеобразия России не нова и раскритиковал принцип географического детерминизма, на котором строились рассуждения П. Савицкого. Историческую Россию создали «западные» Киев и Москва, поэтому не стоит преувеличивать значение восточных территорий довоенной Российской Империи. Взгляд евразийцев на революцию как на зло, но на зло, благоприятствующее историческому процессу, философ называет «бездейственным самоутешением». С точки зрения Ландау, это реакционные, неразвитые, поверхностные идеи. Также категорически отвергает он мысль о замкнутости, «китаизме» европейской культуры, ссылаясь при этом на развитие европейской науки, эпоху географических открытий, исследования Египта и Азии. Особенно философ выделяет влияние арабской культуры на Европу, подчеркивая, что влияние русской культуры было не больше и не меньше. Европа воспринимала прочие культуры, оставаясь сама собой, подобное утверждение справедливо и для России. «Русский храм не перестает быть русским, когда над ним высятся византийские купола, на фронтоне стоит взятая из Иудеи надпись, из Греции произошли его колонны и даже строил его итальянский зодчий»²⁰.

Отвергает Г.А. Ландау и утверждение евразийцев о Москве как «коммунистической Мекке». Внимание к Москве было кратковременным, так как за «добрыми» лозунгами скрывались «злые» действия в отношении народа. Для Европы Москва стала скорее «лже-Меккой», а евразийцам остается утешаться попытками найти в этом религиозный исток. Попутно философ опровергает утверждение о России как о покровительнице восточных культур. Эти культуры могли быть пробуждены только путем насаждения доминирующей русской культуры (начиная от языка и заканчивая инфраструктурой). При этом Россия не является достаточно развитой страной и результаты влияния на другие народы тоже не могут быть безупречными.

Огромное внимание философ уделяет утверждению евразийцев о религиозности Русской Революции. Где проявилась эта религиоз-

ность? Разве может быть «религия зла»? П.Н. Савицкий иллюстрирует это фактами разграбления Notre Dame в период антирелигиозной французской революции и сохранением Успенского собора во время революции в России. «Уверен ли он, однако, что в самой подлинной глубине России не происходили явления кощунства и богохульства, — ведь и не все же французские соборы были разграблены толпой»²¹. Религиозность — это не только действие или бездействие, хуже этого безразличие, ведь храм не разграбили, а богослужения запретили, религиозность здесь бессодержательна и формальна. Евразийство же, оправдывая бездействие, утешает себя, тем самым занимает выжидательную позицию.

Вскоре, после публикации статьи Г.А. Ландау, в «Руле» последовал ответ П.Н. Савицкого²², который начинается с замечания о чрезмерно большом размере критической статьи и о поверхностных, необоснованных выводах ее автора. По его мнению, это обусловлено незнанием, непониманием и искажением Г.А. Ландау основ евразийства, которые он мог почерпнуть из работ основных представителей этого направления (включая П.Н. Савицкого). Из этого и возникает приписывание евразийству преувеличенного понимания значения Русской Революции, соотношения роли большевизма на «Востоке», «китаизма» западноевропейской культуры и неправомерное приписывание религиозного духа революционным событиям в России²³. Мыслитель также замечает, что подчеркивание значимости Русской Революции не означает приверженности коммунистическим идеям, а страдания народа можно воспринимать как божественную волю, как мученичество.

Поскольку в своей статье Г.А. Ландау выступал с критикой не только идеи П.Н. Савицкого, но и евразийства в целом, с ответом решил выступить и Г.В. Флоровский²⁴. Интересно, что опубликованная статья носила такое же название, как у Савицкого и была ее логическим дополнением.

Г.В. Флоровский отмечает, что приписанное самоутешение надо понимать как «тревожность духа» и не смотреть в будущее с надеждой, а попытаться достигнуть его через подвиг, через действие, но сначала надо понять прошлое и настоящее. По его мнению, точку зрения Г.А. Ландау можно охарактеризовать франковским термином «нигилизм»²⁵. Он не осознает «высших ценностей духа», его позиция относительно религии — как «опиума для народа» — сходна с коммунистической, и видит он только эмпирический мир. Но сам мир намного сложнее, религия является его частью и неотделима от реальности. Тезис об утешительности религии приведет к отказу от морали как сферы внеэмпирической, затем произойдет отказ от «чистой культуры» и начнется поклонение бездуховному эмпирическому миру.

«Россия исчезла», и появилась задача построить новую Россию, но начинать борьбу против социалистических девизов нельзя без ценностных духовных исканий. В противном случае это будет бездейная борьба «против», но конкретные вызовы требуют осознания настоящего и понимания будущего и только затем — действия.

Заканчивается газетная полемика публикацией статьи Г.А. Ландау «Именинники»²⁶. Автор, в ответ на замечания о размере критической статьи, с самого начала ставит саркастический вопрос: заслуживает ли подробный разбор позиций П.Н. Савицкого такого внимания? При этом Г.А. Ландау замечает, что в евразийстве есть здравые, заслуживающие внимания идеи, разработка которых дала бы положительные результаты, но в каких-то конкретных областях. Иносказательность же выражений П.Н. Савицкого хороша для литературного творчества, а с точки зрения ответственного обоснования мысли такое изложение взглядов выглядит легкомысленно. Особенно здесь выделяется «китаизм» западноевропейской культуры, внутренний потенциал которой в определенный момент смог выйти в мир. Такое утверждение — это отрицание истории. Европа всегда была открыта для мира, «потенция появилась и раньше; и не она была обретена в упомянутый момент, как думает г. С., а произошло совпадение этой потенции с выработанными к тому времени знаниями и изобретениями, с составлением морских карт, с накоплением капиталов, и нарастанием государственного могущества»²⁷.

Г.А. Ландау говорит об ошибочном понимании нынешней эпохи (начало XX в.) как результата Русской Революции. Не все революции одинаковы, и не следует путать «между насильственной, но “прогрессивной” реорганизацией государства и его регрессивным распадом, как последствием внутренней слабости в сочетании с внешним ударом»²⁸. Поэтому не может быть спокойного отношения к революции в России через аналогии с революциями в Европе. Русская Революция должна вызывать тревогу как неповторимая, вытекающая из собственных условий без отсылки к религиозности. Греховность и религиозность понятия совместимы, но религия заключается не в грехе, следовательно, религия зла, о которой говорят евразийцы, носит лишь формальный характер. Это психологизм и материализм, в котором религия стала средством борьбы.

Заканчивая статью, Г.А. Ландау возвращается к утверждению о бездейственности евразийского движения. Он говорит, что часто нужно думать и делать одновременно, не тратя время на пустое теоретизирование. И, отвечая на замечания Г.В. Флоровского, предлагает следующее сравнение: «Вы видите человека, который с берега глядя на своего тонущего в волнах ребенка, и думать не желает о спасительной веревке... он раньше должен решить вопрос о смысле жизни, ибо иначе вот спасаешь своего ребенка, “а дальше что?”»²⁹.

Анализ данной газетной дискуссии позволяет продемонстрировать дух эпохи, сущность эмиграции на конкретном историко-философском материале. Здесь можно проследить не только политическую, но и философскую позицию. На аргументацию Г.А. Ландау повлияли его философские установки, которые неявно можно проследить в тексте. Особенно это обнаруживается при обосновании мыслителем открытости европейской культуры. Ее потенциал проявился в результате сочетания с эпохой. Европейская культура развилась на основе комплексного мотива мышления. Эту идею философ активно обсуждает в «Сумерках Европы»³⁰. Суть такого подхода в рамках его концепции философии заключается в осознании эмпирического мира как комплекса элементов. В истории философии примером таких взглядов является концепция атомистов. У Г.А. Ландау этот мотив проявляется в европейской культуре в виде ее обращения к части (в особенности к человеку), а не к целому, культура при этом остается единой.

В отличие от евразийцев Ландау воспринимает неустойчивость западной культуры как силу, как потенциал. Для объяснения особенностей западной цивилизации он использует концепцию органической культуры, в которой важное место занимают внутренние противоречия. Органичность для него не тождественна биологичности. Культура рождается через борьбу, гармония появляется в ней, проходя естественные критические (сверхнапряжение) и органические (окаменение) стадии. При этом, культура неотделима от свободы, от риска, и ее становлению может угрожать срыв, таким срывом для Европы послужила Первая мировая война. Гибель Запада — это закономерный этап, после которого вновь проявится культурный потенциал, наступит новая стадия, евразийцы же видят в кризисе Запада слабость самой европейской идеи и ищут перспективы на Востоке³¹. При этом Г.А. Ландау оказывается приверженцем единства мира, евразийцы же предстают сторонниками автономии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Л. Григорий Ландау // Возрождение. 1937. 12 ноября. С. 3.

² Ландау Г.А. Эпиграфы. — Берлин: Логос, 1927.

³ Лукаш И.С. Эпиграфы // Возрождение. 1930. 22 мая. С. 3.

⁴ Повилайтис В.И. Философия культуры Григория Ландау // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 106.

⁵ Исаева О.С., Кошарный В.П. Учение об организационной идее П.Н. Савицкого: к анализу философских оснований социального проекта классического евразийства // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом / под общ. ред. В.А. Кувакина, М.А. Маслина. — М., 2013. С. 440.

⁶ Хоружий С.С. Жизнь и учение Льва Карсавина // Лев Платонович Карсавин / под ред. С.С. Хоружего. — М., 2012. С. 63.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ Шапошников Л.Е. А.С. Хомяков и евразийство // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. С. 500.

⁹ Мелих Ю.Б. Метаморфозы русской философии за границей // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. С. 485.

¹⁰ Мелих Ю.Б., Хоружий С.С. Философия Карсавина в Серебряном веке и в наши дни // Лев Платонович Карсавин / под ред. С.С. Хоружего. – М., 2012. С. 19.

¹¹ Исаева О.С., Кошарный В.П. Учение об организационной идее П.Н. Савицкого: к анализу философских оснований социального проекта классического евразийства. С. 443.

¹² Там же. С. 441.

¹³ Савицкий П.Н. К обоснованию евразийства (Руль. 1922. № 349, 350) // Записки русской академической группы в США. – Нью-Йорк, 2011 – 2012. С. 318 – 328.

¹⁴ Там же. С. 323.

¹⁵ Там же. С. 321.

¹⁶ Там же. С. 324.

¹⁷ Там же. С. 325.

¹⁸ Там же. С. 327.

¹⁹ Ландау Г.А. Евразийское самоутешение (Руль. 1922. № 353, 355) // Записки русской академической группы в США. С. 328 – 340.

²⁰ Там же. С. 332.

²¹ Там же. С. 338.

²² Савицкий П.Н. Дела и призраки – I (ответ г. Григорию Ландау) (Руль. 1922. № 370) // Записки русской академической группы в США. С. 340 – 343.

²³ Там же. С. 341.

²⁴ Флоровский Г.В. Дела и призраки – II (ответ г. Григорию Ландау) (Руль. 1922. № 374) // Записки русской академической группы в США. С. 343 – 348.

²⁵ Там же. С. 345.

²⁶ Ландау Г.А. Именинники (ответ евразийцам) (Руль. 1922. № 376, 378) // Записки русской академической группы в США. С. 348 – 358.

²⁷ Там же. С. 350.

²⁸ Там же. С. 351.

²⁹ Там же. С. 358.

³⁰ См.: Ландау Г.А. Сумерки Европы. – Берлин, 1923.

³¹ Повилайтис В.И. Философия культуры Григория Ландау // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 106.

REFERENCES

Florovsky G.V. Cases and ghosts - II (answer to Gregory Landau) (Rudder. 1922. № 374). Notes of Russian academic group in the USA. New York, 2011-2012, pp. 343-348 (in Russian).

Horuzhy S.S. The life and teachings of Lev Karsavin. Lev Platonovich Karsavin. S.S. Khoruzhiy (ed.). Moscow. 2012. pp. 30-96. (in Russian).

Isayev O.S., Kosharnaya V.P. The doctrine of the organizational idea of P.N. Savitsky: the analysis of the philosophical foundations of the social project of classical Eurasianism. Russian philosophical thought in Rus', in Russia and abroad: Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of the Department of History of Russian Philosophy. V.A. Kuvakin, M.A. Maslin (eds.). Moscow, 2013, pp. 440-453 (in Russian).

L. Grigory Landau. Vozrozhdeniye [Revival]. 1937. November 12. (in Russian).

Landau G.A. Birthday boys (answer to Eurasians) (Rudder. 1922. No 376, 378). Notes of Russian academic group in the USA. New York, 2011-2012, pp. 348-358 (in Russian).

Landau G.A. Eurasian consolation (Rudder. 1922. No 353, 355). Notes of Russian academic group in the USA. New York, 2011-2012, pp. 328-340 (in Russian).

Landau G.A. The epigraphs. Berlin, Logos, 1927. 67 p. (in Russian).

Landau G.A. Twilight Europe. Berlin, Slovo, 1923. 374 p. (in Russian).

Lukash I.S. The epigraphs. Vozrozhdeniye [Revival]. 1930. May 22 (in Russian).

Melih Y.B. Metamorphoses of Russian philosophy abroad. Russian philosophical thought in Rus', in Russia and abroad. V.A. Kuvakin, M.A. Maslin (eds.). Moscow, 2013, pp. 472- 491. (in Russian).

Melih Y.B., Horuzhy S.S. Philosophy of Karsavin in the Silver Age and today. Lev Platonovich Karsavin. S. S. Khoruzhiy (ed.). Moscow, 2012, pp. 8-29 (in Russian).

Povilyaitis V.I. Philosophy of Culture by Grigory Landau. Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]. 2011. No 3, pp. 101-108 (in Russian).

Savitsky P.N. On substantiation of Eurasianism (Rudder. 1922. No 349, 350). Notes of Russian academic group in the USA. New York, 2011-2012, pp. 318-328 (in Russian).

Savitsky P.N. Cases and Ghosts-I (answer to Gregory Landau) (Rudder. 1922. No 370). Notes of Russian academic group in the USA. New York, 2011-2012, pp. 340-343 (in Russian).

Shaposhnikov L.E. A.S. Khomyakov and Eurasianism. Russian philosophical thought in Rus', in Russia and abroad, pp. 492-500 (in Russian).

Аннотация

В статье проводится мысль о том, что для современных ученых-гуманитариев, исследующих концепции евразийцев, особый интерес представляет исторический опыт обсуждения их основных идей в эмигрантской периодике. Обозначены наиболее актуальные темы евразийства в контексте современных философских дискуссий, с одной стороны, и на примере их газетной полемики с философом-публицистом Г.А. Ландау, с другой.

Ключевые слова: евразийство, Г.А. Ландау, русское зарубежье, философия культуры, историософия, история.

Summary

The article holds the idea that the historical experience of the discussion of the main ideas of the concept of Eurasianism and its representatives is of particular interest to modern scholars in the humanities. The most relevant topics of Eurasianism, on the one hand, are defined in context of modern philosophical discussions, and, on the other hand, this topics are represented as exemplified by a newspaper dispute between representatives of the Eurasianism and the philosopher and writer G.A. Landau.

Keywords: eurasianism, G.A. Landau, Russian abroad, the philosophy of culture, historical philosophy, history.